

Карен Хорни

НАШИ ВНУТРЕННИЕ КОНФЛИКТЫ

Собрание сочинений в 3-х томах, т.3, М.: Смысл, 1997

ВВЕДЕНИЕ

Какой бы ни была отправная точка анализа и каким бы извилистым ни был его путь, в конечном счете мы всегда приходим к какому-либо личностному нарушению как источнику психического заболевания. Об этом так же, как и о почти любом другом психологическом открытии, можно сказать: на самом деле это значит заново открыть то, что было известно ранее. Поэты и философы всех времен знали, что жертвой психических расстройств никогда не становится безмятежный, уравновешенный человек, но это всегда человек, раздираемый внутренними конфликтами. Говоря современным языком, всякий невроз, безотносительно к тому, какова картина его симптомов, является неврозом характера. Так что наши усилия в теории и терапии должны быть направлены на лучшее понимание невротической структуры характера.

Действительно, колоссальная новаторская работа Фрейда все более приближалась к такому представлению, хотя генетический подход и не позволил ему сформулировать его в явной форме. Но другие авторы, которые продолжили и развили работу Фрейда — в особенности Франц Алек-сандер, Отто Ранк, Вильгельм Райх и Харальд Шульц-Хенке — выразили его более точно. Однако все они разошлись во мнениях относительно истинной природы и динамики структуры невротического характера.

Начальный пункт моих исследований был иным. Постулаты Фрейда относительно женской психологии заставили меня задуматься о роли культурных факторов. Их влияние на наше представление о том, в чем состоит мужественность или женственность, было очевидным, и для меня стало столь же очевидным, что Фрейд пришел к некоторым ошибочным выводам, потому что не смог принять во внимание эти факторы. Мой интерес к этой теме возрастал на протяжении пятнадцати лет. Отчасти он усилился вследствие моего общения с Эрихом Фроммом, который, обладая глубокими знаниями как в социологии, так и в психоанализе, заставил меня еще глубже осознать значение социальных факторов в сфере более широкой, чем частная сфера женской психологии. И мои впечатления подтвердились, когда в 1932 году я приехала в Соединенные Штаты.

Тогда я увидела, что отношения между людьми и неврозы в этой стране во многом отличаются от тех, которые я наблюдала в европейских странах, и что объяснить это может лишь различием в культурах. Мои выводы в конечном счете нашли свое выражение в книге «Невротическая личность нашего времени». Главным утверждением в ней было то, что неврозы вызываются нарушениями человеческих взаимоотношений.

В годы перед написанием «Невротической личности») я продолжала еще одну линию исследования, которая логически вытекала из более ранней гипотезы. Она вращалась вокруг вопроса о том, каковы движущие силы невроза. Фрейд первым указал на то, что ими являются компульсивные (навязчивые) влечения. Он считал эти влечения инстинктивными по своей природе, направленными на удовлетворение и не терпящими фрустрации. Следовательно, он считал, что их действие не ограничивается неврозами *per se* (сами по себе (лат.) — ред.), но распространяется на всех людей. Если, однако, неврозы являются результатом нарушения человеческих взаимоотношений, то этот постулат просто теряет силу. Представления, к которым я пришла по этому вопросу, состояли, кратко, в следующем. Навязчивые влечения образуют специфическую особенность неврозов; они рождаются из чувств изолированности, беспомощности, страха и враждебности и представляют собой способы, с помощью которых человек пытается справиться с миром вопреки этим чувствам; они нацелены, в первую очередь, не на удовольствие, а на достижение безопасности; их навязчивый характер обусловлен стоящей за ними тревогой. Два вида этих влечений: навязчивое стремление к любви и привязанности и стремление к власти — первыми выступили в наиболее четкой форме и были детально рассмотрены в «Невротической личности».

Хотя я и придерживалась тех положений, которые считала основными принципами учения Фрейда, к тому времени я осознала, что мой поиск более глубокого понимания проблемы привел меня в русло, расходящееся со взглядами Фрейда. Если столь многие факторы, которые Фрейд считал инстинктивными, обусловлены культурой, если столь многое, что Фрейд относил к либидо, является невротической потребностью в любви и привязанности, вызванной тревогой и направленной на достижение чувства безопасности в отношениях с другими людьми, тогда теория либидо более себя не оправдывает. Важнейшее значение переживаний детства сохраняется, но то влияние, которое они оказывают на наши судьбы, предстает в новом свете. Неизбежно последовали и

различия в других теоретических положениях. Отсюда стало необходимым сформулировать, в чем, с моей точки зрения, я расхожусь с Фрейдом. Результатом этой попытки уточнить взгляды явилась книга «Новые пути в психоанализе». Тем временем мой поиск движущих сил невроза продолжался. Я назвала навязчивые влечения невротическими наклонностями и описала десять из них в своей следующей книге. К этому моменту я также пришла к осознанию, что структура невротического характера имеет центральное значение. В то время я рассматривала ее как своего рода макрокосм, образуемый многими микрокосмами, взаимодействующими один с другим. В ядре каждого микрокосма заключена невротическая наклонность. Эта теория невроза имела практическое применение. Если психоанализ в первую очередь заключался не в том, чтобы связать наши нынешние трудности и проблемы с нашими прошлыми переживаниями, а в том, чтобы понять взаимосвязи сил, действующих в нашей личности в данное время, то тогда понимание и изменение себя даже при условии небольшой (или вообще без какой-либо) помощи специалиста было вполне достижимо. Перед лицом широко распространенной потребности в психотерапии и нехватки доступной помощи представлялось, что самоанализ дает надежду на удовлетворение жизненно важной потребности. Так как большая часть данной книги описывает возможности, ограничения и способы анализа человеком самого себя, я назвала ее « Самоанализ ».

Я не была, однако, полностью удовлетворена тем, как я представила отдельные наклонности. Сами эти наклонности были описаны достаточно точно; но меня преследовало чувство, что при простом перечислении они представляли слишком оторванными друг от друга. Я видела, что невротическая потребность в любви и привязанности, навязчивая скромность и потребность в «партнере» сопутствуют друг другу. Но мне не удалось увидеть, что вместе они образуют некое основополагающее отношение к другим и к себе, определенную жизненную философию. Эти наклонности составляют ядро того, чему я теперь дала общее название «движение к людям». Я видела также, что навязчивое стремление к власти и престижу и невротическое честолюбие имеют между собой нечто общее. Они составляют, грубо говоря, факторы того, что я буду называть «движением против людей». Однако потребности в восхищении и совершенстве, хотя они и обладают всеми отличительными признаками невротических наклонностей и оказывают влияние на взаимоотношения невротика с другими людьми, по-видимому, главным образом затрагивают его отношение к самому себе. Точно так

же, потребность в эксплуатации представляется не столь фундаментальной, как потребность в любви и привязанности или стремление к власти; потребность эксплуатировать других, по-видимому, не имеет столь широкой сферы влияния, как у них. Дело обстоит так, как если бы она была не самостоятельной сущностью, а принадлежала бы некоторому более обширному целому.

Обоснованность моих сомнений со временем подтвердилась. В последующие годы центр моих интересов сместился на роль конфликтов в неврозе. В «Невротической личности» я утверждала, что невроз вызывается столкновением разнонаправленных невротических наклонностей. В «Самоанализе» я писала, что невротические наклонности не только усиливают одна другую, но также порождают конфликты. Тем не менее конфликты оставались побочным вопросом. С течением времени Фрейд все более осознавал важное значение внутренних конфликтов; однако он представлял их как борьбу между вытесненными и вытесняющими силами. Те конфликты, которые увидела я, были иного рода. Они возникали между несовместимыми сочетаниями нескольких невротических наклонностей, и, хотя первоначально они затрагивали противоречивые отношения к другим людям, с течением времени они распространились и на противоречивое отношение к самому себе, и на противоречивые качества и противоречивые системы ценностей.

Все больший объем наблюдений открыл мне глаза на важное значение таких конфликтов. Вначале меня крайне сильно поразила слепота пациентов по отношению к очевидным противоречиям внутри самих себя. Когда я указывала им на них, они становились уклончивыми и, казалось, теряли к анализу интерес. После неоднократных случаев такого рода я осознала, что уклончивость выражала собой глубокую антипатию к обсуждению этих противоречий. Наконец, панические реакции в ответ на внезапное осознание конфликта показали мне, что я имела дело с «динамитом». У пациентов была веская причина уходить от этих конфликтов: они испытывали страх перед силой этих конфликтов, способных разорвать их.

Затем я начала осознавать, какое поразительное количество энергии и интеллектуальных сил затрачивалось на более или менее отчаянные усилия «разрешить» эти конфликты, а точнее, на отрицание их существования и создание искусственной гармонии. Я обнаружила четыре основных попытки их решения примерно в том порядке, в каком они представлены в этой книге. Первоначальная попытка состояла в том, чтобы ослабить одну сторону конфликта

и усилить противоположную. Второй было «движение от людей». Функция невротической отстраненности теперь предстала в новом свете. Отстраненность была частью основного конфликта, одним из исходных и несовместимых между собой отношений к другим людям; но она также представляла собой попытку решения невротического конфликта, так как сохранение эмоциональной дистанции между Я и другими гасило действие конфликта. Третья попытка была совершенно иного рода. Вместо отдаления, ухода от других невротик пытался уйти от себя. Его целостное подлинное Я становилось для него чем-то нереальным, и на его месте он создавал идеализированный образ Я, в котором конфликтующие стороны были столь видоизменены, что более не выступали как конфликты, а казались разными аспектами сложной личности. Эта концепция помогла прояснить многие проблемы невротиков, которые до этого были недоступны нашему пониманию, а следовательно, и терапии. В ней также нашлось соответствующее место для двух невротических наклонностей, которые ранее не поддавались интеграции. Потребность в совершенстве теперь предстала как попытка соответствовать этому идеализированному образу; страстное стремление вызывать восхищение собой могло быть понято как потребность пациента получать извне подтверждение его действительного соответствия своему идеализированному образу. И чем далее этот образ отстоял от реальности, тем неизбежно острее и ненасытнее была эта потребность в подтверждении. Среди всех попыток решения конфликта создание вымышленного идеализированного образа Я является, вероятно, наиболее важной по причине его далеко идущих последствий для личности в целом. Но такая попытка, в свою очередь, порождает новый внутренний разлад и вследствие этого требует дополнительного «улаживания». Четвертая попытка решения направлена, в первую очередь, на то, чтобы положить конец этому разладу, хотя она также помогает приглушить и все другие конфликты. Посредством того, что я называю экстернализацией, внутренние процессы переживаются как происходящие вне Я. Если идеализация себя уже означает некоторый отход от подлинного Я, то экстернализация конфликта представляет собой еще более радикальное удаление. Она сама порождает новые конфликты или, скорее, крайне усиливает исходный конфликт — конфликт между Я и внешним миром.

Я назвала основными приведенные выше четыре попытки решения отчасти потому, что они, по-видимому, постоянно присутствуют во всех неврозах, хотя и в различной степени, а отчасти потому, что они вызывают резкие изменения в

личности. Но этими четырьмя никоим образом не исчерпываются все возможные попытки. К другим попыткам, более частного значения, относятся такие стратегии, как деспотическая правота, основной функцией которой является подавление всех внутренних сомнений; жесткий самоконтроль, который удерживает раздираемого конфликтами человека посредством одной только силы воли; и цинизм, который посредством пренебрежительного отношения ко всем ценностям устраняет конфликты с идеалами.

Тем временем для меня постепенно становились все яснее последствия, вытекающие из всех этих нерешенных конфликтов. Я видела, как они рожают разнообразные страхи, пустую растрату энергии, неизбежную потерю нравственной цельности, как в результате ощущения, что человек окончательно и бесповоротно запутался в ловушке конфликтов, возникала глубокая безнадежность.

Лишь после того, как я осознала значение невротической безнадежности, в поле моего зрения попал смысл садистских наклонностей. Эти наклонности, как я теперь понимала, представляли собой попытку возместить свою недостаточность эрзацем жизни, на путь которой вступал человек, отчаявшийся когда-либо быть самим собой. И всепоглощающая страсть, которая столь часто наблюдается в садистских действиях, вырастает из ненасытной потребности такого человека в триумфе мщения. Мне стало ясно, что потребность в пагубной эксплуатации других была в действительности не отдельной невротической наклонностью, а лишь неизменным проявлением того более емкого целого, которое, по причине отсутствия лучшего термина, мы называем садизмом.

Так развивалась теория, согласно которой динамическим центром невроза является базальный конфликт между тремя типами установок: «движением к людям», «движением против людей» и «движением от людей». Из-за страха дезинтеграции, с одной стороны, и необходимости функционирования в качестве единого целого — с другой, невротик предпринимает отчаянные попытки разрешить этот конфликт. Хотя на этом пути он может преуспеть в создании некоторого искусственного равновесия, при этом он обречен на постоянное порождение новых конфликтов, и ему все время требуются новые средства, чтобы их погасить. Каждый новый шаг в этой борьбе за единство делает невротика еще более враждебным, беспомощным и преисполненным страхом, еще более отчужденным от себя и других людей. В результате вызвавшие эти конфликты затруднения обостряются, а их реальное разрешение становится все

менее и менее достижимым. Наконец, он начинает чувствовать свою безнадежность и может попытаться найти своего рода возмещение в садистских наклонностях, которые в свою очередь усиливают его безысходность и порождают новые конфликты.

Такова, следовательно, весьма мрачная картина невротического развития и возникающей в его результате структуры невротического характера. Почему же я тем не менее называю свою теорию конструктивной? Она кладет конец не отвечающему реальности оптимистическому представлению, согласно которому мы можем «вылечить» неврозы смехотворно простыми средствами. Но она не ведет и к столь же далекому от реальности пессимизму. Я называю теорию конструктивной, потому что она впервые позволяет нам энергично браться за разрешение и преодоление невротической безысходности. А самое главное, я называю ее конструктивной потому, что, несмотря на признание в ней крайней степени запутанности личности невротика, она позволяет не только ослаблять лежащие в ее основе конфликты, но и дает возможность их подлинного разрешения и поэтому позволяет нам работать в направлении реальной интеграции личности. Невротические конфликты не могут быть устранены посредством рационального решения. Попытки невротика решить конфликты не только тщетны, но даже вредны, опасны. Однако эти конфликты могут быть разрешены посредством изменения тех условий внутри личности, которые вызвали их к жизни. Каждый отрезок успешно проведенной психоаналитической работы изменяет эти условия, освобождая человека от страхов, делая его менее беспомощным, менее враждебным, менее отчужденным от себя и других.

Пессимизм Фрейда относительно неврозов и их лечения проистекал из его глубокого неверия в человеческую добродетель и человеческое развитие. Человек, утверждал он, обречен на страдание или разрушение. Влечения, которые движут им, можно лишь контролировать или, в лучшем случае, «сублимировать». По моему же убеждению, человек обладает и способностью, и стремлением развить свои потенциальные возможности и стать достойным человеком. Но они теряют свою силу, если его отношения с другими людьми и, следовательно, с самим собой, будучи однажды нарушены, продолжают оставаться таковыми. Я верю, что человек способен к изменению и может изменяться на всем протяжении своей жизни. И эта вера выросла на основе более глубокого понимания.

Часть первая
НЕВРОТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ПОПЫТКИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ
Глава I
МУЧИТЕЛЬНОСТЬ НЕВРОТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Начнем с того, что конфликты присущи не только невротiku. Время от времени наши желания, интересы, убеждения обязательно сталкиваются с интересами, желаниями и убеждениями других людей. И так же, как такие столкновения между нами и окружением повсеместны, точно так же и конфликты внутри нас являются неотъемлемой частью человеческой жизни.

Действия животного определяются главным образом инстинктом. Его спаривание, забота о своем потомстве, поиск пищи, способы защиты от опасности более или менее предопределены и не нуждаются в отдельном решении. Напротив, как исключительной привилегией, так и тягостной обязанностью человеческих существ является их способность осуществлять выбор, необходимость принимать решения. Мы бываем вынуждены выбирать между желаниями, влекущими нас в противоположных направлениях. Мы можем, например, хотеть побыть в одиночестве, но также хотеть быть с другом; мы можем хотеть изучать медицину, но также — заниматься музыкой. Или может иметь место конфликт между желаниями и обязанностями: мы можем испытывать желание побыть с любимым, когда кто-либо, попавший в беду, нуждается в нашей помощи. Мы можем разрываться между желанием быть в согласии с другими и своим собственным убеждением, которое требует выразить противоположное мнение. Наконец, у нас может возникнуть конфликт из-за разных ценностей, как это имеет место, когда в военное время мы считаем себя обязанными взяться за опасное дело, но хотим быть верны своему долгу перед семьей. Тип, сфера и напряженность таких конфликтов в значительной степени определяются культурой, в которой мы живем. Если культура стабильна и имеются прочно установленные традиции, тогда варианты возможных выборов ограничены, диапазон отдельных возможных конфликтов узок. Но даже и в этом случае в них нет недостатка. Преданность одному может мешать преданности другому; личные желания могут противоречить обязательствам перед группой. Но если культура находится в состоянии быстрого изменения, где бок о бок сосуществуют крайне противоречивые ценности, а образ жизни разных людей расходится все сильнее, то выборы, которые приходится делать человеку, весьма многообразны и трудны.

Он может подчиняться ожиданиям сообщества или быть инакомыслящим индивидуалистом, быть общительным или жить затворником, боготворить успех или презирать его, считать необходимой для детей строгую дисциплину или позволять им расти без особого вмешательства взрослых; он может верить в различие моральных норм для мужчин и женщин или считать, что для тех и других должны действовать одинаковые нормы, может считать сексуальные отношения выражением человеческой близости или отделять их от уз любви; он может быть сторонником расовой дискриминации или занимать позицию, согласно которой человеческие ценности не зависят от цвета кожи или от формы носа, и так далее и тому подобное.

Нет сомнения в том, что выборы такого рода очень часто приходится делать людям, живущим в нашей культуре, и поэтому следует ожидать, что конфликты вокруг указанных проблем имеют очень общий характер. Но поразительно то, что большинство людей не осознает их и, следовательно, не решает их каким-либо ясным образом. Гораздо чаще они плывут по течению и позволяют править собой простому случаю. Они находятся в неопределенности, не зная, как поступить: они идут на компромиссы, не осознавая этого; они запутаны в противоречиях и не знают об этом. Я говорю здесь о нормальных людях, имея в виду не каких-то средних или идеальных людей, а просто нелевотиков.

Должны, следовательно, иметь место предпосылки для **выявления узлов противоречий и принятия решений на этой основе**. Эти предпосылки делятся на четыре категории. Мы должны осознавать, каковы наши желания, или даже больше, каковы наши чувства. Действительно ли нам нравится человек, или мы лишь думаем, что он нам нравится, потому что так считают другие? Действительно ли мы испытываем печаль, если умирает один из родителей, или лишь показываем ее видимость? Действительно ли мы хотим стать адвокатом или врачом, или же эта должность привлекает нас лишь респектабельной и выгодной карьерой? Действительно ли мы хотим, чтобы наши дети были счастливыми и независимыми, или нас хватает только на неискренние словоизлияния на этот счет? Большинству из нас было бы трудно ответить на такие простые вопросы; то есть мы не знаем, что мы на самом деле чувствуем или хотим.

Поскольку конфликты часто связаны с убеждениями, мнениями или моральными ценностями, их осознание будет предполагать в качестве предварительного условия, что мы выработали у себя собственную систему

ценностей. Мнения, которые механически восприняты извне и не стали частью нас самих, едва ли имеют достаточную силу, чтобы приводить к конфликтам или служить в качестве направляющего принципа при принятии решений. Новые влияния приведут к легкой замене их на другие, если мы просто «заимствовали» ценности, разделяемые в нашем окружении, конфликты, которые, исходя из наших высших интересов, должны были бы возникать, не возникают. Если, например, сын никогда не подвергал сомнению мудрость ограниченно мыслящего отца, то заметного конфликта не возникнет, когда отец захочет, чтобы сын выбрал не ту профессию, которую предпочитает он сам. Женатый человек, который влюбляется в другую женщину, действительно вовлекается в конфликт; но если ему не удалось выработать собственные убеждения относительно смысла брака, он будет просто идти по пути наименьшего сопротивления вместо того, чтобы вникнуть в суть этого конфликта и принять то или иное решение.

Даже если мы осознаем конфликт как таковой, мы должны быть готовы отказаться от одной из двух несовместимых сторон конфликта и быть в состоянии сделать это. Но способность к недвусмысленному и сознательному отказу встречается редко, потому что наши чувства и мнения спутаны и просто потому, что в конечном счете большинство людей недостаточно уверены в себе и счастливы, чтобы отказаться от чего бы то ни было.

Наконец, **принятие решения предполагает готовность и способность нести за него ответственность**. Сюда относятся риск принятия неправильного решения и готовность нести ответственность за его последствия, не обвиняя других. Здесь присутствует чувство, что «это мой выбор, мой поступок», и требуется большая внутренняя сила и независимость, чем те, которыми обладают большинство людей в наше время. Будучи пойманы, как это имеет место со столь многими из нас, **в удушающие тиски конфликтов**, однако не отдавая себе в этом отчет, мы склонны с завистью и восхищением смотреть на людей, чья жизнь представляется текущей гладко, не нарушаемой ни одним из этих подводных течений. Такое восхищение может иметь основания. Его могут вызывать сильные люди, выработавшие собственную прочную иерархию ценностей, или люди, которые достигли некоторой степени безмятежности, потому что с течением лет как конфликты, так и потребность в их решении потеряли для них свою сокрушительную силу. Но внешнее впечатление может быть обманчивым. Чаще вследствие апатии, подчинения или соглашательства те люди, которым мы завидуем, неспособны правдиво смотреть в лицо конфликту или на самом деле

пытаться разрешить его на основе собственных убеждений и, следовательно, просто пассивно плывут по течению или следуют сиюминутным интересам и выгоде.

Сознательное переживание конфликтов, хотя оно, возможно, и заставит нас почувствовать себя несчастными, может дать бесценное преимущество. Чем более осознанно и прямо мы смотрим в суть наших конфликтов и ищем собственных решений, тем большей внутренней свободы и силы мы достигнем. Лишь когда мы чувствуем готовность выдержать главный удар, мы можем приблизиться к идеалу быть хозяином своей судьбы. Притворное спокойствие, уходящее корнями во внутреннюю пустоту, может вызывать какое угодно чувство, но только не зависть. Оно делает нас слабыми, и мы становимся легкой жертвой любого влияния.

Когда конфликты сосредоточены вокруг основных жизненных проблем, тем более сложно смотреть им в лицо и разрешать их. Но при условии, что у нас есть достаточная жизненная сила, нет причин, по которым мы в принципе не способны были бы это сделать. Воспитание могло бы принести большую пользу, научив нас жить, лучше осознавая себя и помогая в выработке своих собственных убеждений. Осознание значимости факторов, связанных с выбором в свою очередь даст нам идеалы, к которым следует стремиться, и тем самым придаст направление нашей жизни (Для нормальных, здоровых людей, просто томимых скукой под гнетом окружающей среды, книга, подобная книге Гарри Эмерсона Фосдика «О том, как быть настоящим человеком», окажет значительную помощь (Fosdick H.E. On Being a Real Person)).

Трудности, всегда присущие осознанию и разрешению конфликта, чрезвычайно возрастают в случае, если человек является невротиком. Следует сказать, что вопрос о неврозе — это всегда вопрос степени, и когда я говорю о «невротике», я неизменно имею в виду «человека в той мере, в какой он является невротиком». Для него затруднено осознание своих чувств и желаний. Часто единственными чувствами, которые он испытывает ясно и осознанно, являются реакции страха и гнева в ответ на удары, наносимые по его ранимым местам. Но даже они могут быть вытеснены из сознания. Те подлинные идеалы, которые у него существуют, оказываются настолько опутанными навязчивыми стандартами, что они теряют свою направляющую силу. Под влиянием этих навязчивых тенденций способность к отказу от чего-либо становится крайне слабой, а способность нести ответственность за себя почти полностью утрачивается.

Невротические конфликты могут быть связаны с теми же самыми общими проблемами, которые тревожат и нормального человека. Но они столь отличны от них по своей природе, что даже ставился вопрос, допустимо ли применительно к ним обоим пользоваться одним и тем же термином. Я считаю это допустимым, но мы должны осознавать различия этих конфликтов. Каковы же в таком случае характерные черты невротических конфликтов?

В качестве иллюстрации приведу несколько упрощенный пример: инженер, работающий вместе с другими сотрудниками над техническим исследованием, часто испытывал приступы усталости и раздражительности. Один из этих приступов был вызван следующим случаем. При обсуждении определенных технических вопросов его мнение не получило той поддержки, которую встретили взгляды его коллег. Вскоре после этого в его отсутствие было принято решение, а впоследствии ему не было дано никакой возможности высказать свои предложения. В этих условиях он мог посчитать такой метод работы несправедливым и начать борьбу, или он мог благосклонно согласиться с мнением большинства. И та и другая реакция была бы обоснованной. Но он не сделал ни того, ни другого. Хотя он чувствовал себя глубоко оскорбленным, он не боролся. Он осознавал лишь чувство раздражения. Убийственная ярость, бушевавшая внутри него, проявлялась лишь в сновидениях. Эта вытесненная ярость — соединение его ярости как по отношению к другим, так и на себя самого за свою мягкотелость — и вызывала, главным образом, его усталость.

Его неспособность отреагировать соответствующим образом была обусловлена многими факторами. Он создал претенциозное представление о себе, для поддержания которого ему требовалось уважение к себе со стороны других людей. В то время это не осознавалось им: он просто действовал, исходя из предпосылки, что в его области он был самым знающим и компетентным. Любой знак неуважения мог создать угрозу для этой предпосылки и вызвать ярость. Кроме того, у него имели место бессознательные садистские побуждения бранить и унижать других людей — побуждения столь предосудительные для него, что он прятал их за чрезмерной дружелюбностью. К этому добавлялось бессознательное стремление эксплуатировать людей, делавшее для него действительно необходимым сохранение их благосклонности к нему. Зависимость от других была усилена навязчивой потребностью в одобрении и любви в сочетании, как это обыкновенно бывает, с установкой на уступчивость, потакание и избегание борьбы. Таким образом, возник конфликт между его деструктивными

агрессивными стремлениями: реактивной яростью и садистскими импульсами, с одной стороны, и потребностью в любви и одобрении, желанием выглядеть справедливым и разумным в собственных глазах, с другой стороны. В результате произошел внутренний сдвиг, который остался незамеченным, в то время как усталость, бывшая его внешним проявлением, парализовала всякое действие.

Рассматривая вовлеченные в этот конфликт факторы, вначале поражаешься их абсолютной несовместимости. Действительно, во-первых, трудно представить себе более крайние противоположности, чем высокомерные претензии на почтительное отношение к себе и заискивающую покорность. Во-вторых, весь этот конфликт остается бессознательным. Действующие в нем противоречивые наклонности не осознаются, а глубоко вытесняются. Лишь легкие отголоски борьбы, бушующей внутри, выходят наружу. Эмоциональные факторы рационализируются: это несправедливость; это пренебрежение; мои идеи были лучше. В-третьих, наклонности, действующие в обоих направлениях, имеют навязчивый, компульсивный характер. Даже если он умом в какой-то степени и понимал чрезмерность своих претензий или наличие своей зависимости и ее природу, он не мог по своему желанию изменить эти факторы. Для того чтобы быть в состоянии изменить их, требовалась значительная аналитическая работа. С обеих сторон его влекли непреодолимые силы, над которыми он не имел власти: он был не в состоянии отказаться ни от одной из потребностей, возникших в силу жесткой внутренней необходимости. Но ни одна из них не выражала того, что сам он в действительности хотел или добивался. Он не хотел бы ни эксплуатировать, ни быть в подчинении; на самом деле, он презирал обе эти наклонности. Однако такое положение дел имеет далеко идущие последствия для понимания невротических конфликтов. Оно означает, что никакое решение невозможно.

Следующая иллюстрация дает сходную картину. Зарабатывающий на жизнь случайными заказами художник-декоратор крал мелкие суммы денег у своего хорошего друга. Воровство нельзя было оправдать какими-либо внешними обстоятельствами; он нуждался в деньгах, но его друг с радостью дал бы их ему, как он это делал при случае в прошлом. То, что он прибег к воровству, было особенно поразительным, поскольку он был порядочным человеком, очень высоко ценившим дружбу.

В основе такого поведения лежал следующий конфликт. У этого человека была ярко выраженная невротическая потребность в любви и привязанности и в

особенности стремление к тому, чтобы о нем заботились во всех практических вопросах. К этому стремлению примешивалось также бессознательное побуждение эксплуатировать других людей, и своим поведением он одновременно пытался внушить к себе любовь других людей и шантажировать их. Сами по себе эти тенденции должны были бы вынуждать его желать помощи и стремиться получить поддержку. Но у него также бессознательно развились крайнее высокомерие и, соответственно, легко уязвимая гордость. Другие должны были считать за честь оказать ему услугу: для него было унижительно просить о помощи. Его отвращение к необходимости высказывать просьбу подкреплялось сильным стремлением к независимости и самодостаточности. Последнее делало для него непереносимым признание, что он нуждается в чем-либо или находится в положении обязанного. Поэтому он мог взять сам, но не мог принять от кого-то.

По содержанию этот конфликт отличается от конфликта в первом примере, но их сущностные характеристики одни и те же. И любой другой пример невротического конфликта покажет нам подобную несовместимость конфликтующих побуждений и их бессознательный и компульсивный характер, неизменно приводящий к невозможности разрешить противоречие.

Таким образом, если позволить провести не очень строгое разграничение, то основное **различие** между нормальным и невротическим конфликтами **заключается в том, что степень расхождения конфликтующих тенденций у нормального человека значительно меньше, чем у невротика**. Выборы, которые приходится делать первому, — это выборы между способами действия, каждый из которых возможен в рамках хорошо интегрированной личности. Если выразить это графически, то конфликтующие направления расходятся лишь на 90° или менее против возможных 180° между противостоящими друг другу наклонностями невротика.

Имеется также отличие и в степени осознания. Как отмечал Кьеркегор: «Реальная жизнь чересчур сложна, чтобы выделять только абстрактные противоречия, к числу которых относится, например, противоречие между двумя крайностями отчаяния — его полной неосознанностью и его полной осознанностью». Однако мы можем сказать следующее: нормальный конфликт можно осознавать полностью; но невротический конфликт во всех своих наиболее существенных элементах всегда бессознателен. Даже если нормальный человек не осознает свой конфликт, он может осознать его при сравнительно малой помощи, в то время как наиболее важные наклонности, вызывающие

невротический конфликт, глубоко вытеснены и могут быть раскрыты лишь в результате преодоления огромного сопротивления.

Нормальный конфликт относится к актуальному выбору между двумя возможностями, каждая из которых для человека реально желательна, или между убеждениями, каждое из которых представляет для него реальную ценность. У него, следовательно, есть возможность прийти к осуществимому решению, даже если оно может быть для него трудным и потребовать определенного самоотречения. Невротик же, поглощенный конфликтом, не имеет свободы выбора. Его раздирают в противоположных направлениях одинаково непреодолимые силы, ни одной из которых он не хочет следовать. Поэтому принять решение в обычном смысле слова невозможно. Он находится в безвыходном положении. Этот конфликт может быть разрешен лишь посредством проработки создающих его невротических наклонностей и тем самым такого изменения его отношений с другими и отношения к самому себе, в результате которого он бы смог полностью освободиться от этих наклонностей.

Указанные особенности объясняют мучительность невротических конфликтов. Их не только трудно осознать, и они не только делают человека беспомощным, но они также обладают разрушительной силой, испытывать страх перед которой у него есть веские причины. Если мы не будем знать этих особенностей и не будем иметь их в виду, мы не поймем те отчаянные попытки их разрешения (На протяжении всего текста я буду использовать термин «решить» («разрешить») в отношении попыток невротика устранить свои конфликты. Так как он бессознательно отрицает их существование, то, строго говоря, он не пытается их «разрешить». Его бессознательные усилия направлены на «решение» своих проблем), которые предпринимает невротик и которые составляют большую часть невроза.

Глава 2

БАЗАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

Конфликты играют в неврозе намного большую роль, чем обычно считают. Однако обнаружить их нелегко отчасти потому, что они в своей основе бессознательны, но даже еще в большей степени потому, что невротик предпринимает все возможное, чтобы отрицать их существование. Какие сигналы в таком случае дают нам право подозревать наличие лежащих в основе

конфликтов? В примерах, приведенных в предыдущей главе, на их наличие указывали два фактора, оба вполне очевидные. Первым из них были возникающие в результате симптомы: усталость в первом примере, воровство во втором. Дело в том, что каждый невротический симптом указывает на лежащий в его основании конфликт, то есть каждый симптом является более или менее прямым дериватом конфликта. Мы постепенно увидим, что делают с людьми нерешенные конфликты, как они вызывают состояния тревоги, депрессии, нерешительности, инерции, отстраненности и так далее. Понимание здесь причинной связи помогает перенести наше внимание с внешних проявлений расстройств на их источник, хотя точная природа этого источника не раскрывается.

Другим признаком, указывающим на действие конфликтов, была непоследовательность поведения. В первом примере мы видели человека, который был убежден, что дела ведутся неправильно и что по отношению к нему поступили несправедливо, однако он не высказывал никакого протеста по этому поводу. Во втором случае человек, высоко ценящий дружбу, пошел на воровство денег у приятеля. Иногда сам человек осознает такую непоследовательность; чаще он слеп в этом отношении, даже когда такие противоречия вполне очевидны любому неискушенному наблюдателю.

Непоследовательность так же определенно указывает на наличие конфликтов, как повышение температуры указывает на телесный недуг. Приведу несколько простых примеров: молоденькая девушка больше всего на свете хочет выйти замуж, однако отвергает любые попытки ухаживания за ней. Сверхзаботливая мать часто забывает о днях рождения своих детей. Человек, всегда щедрый по отношению к другим людям, скупится на малейшие расходы на себя. Другому человеку, который всячески стремится к одиночеству, никогда не удастся побыть одному. Человек, снисходительный и терпимый к большинству людей, крайне строг и требователен в отношении себя.

В отличие от симптомов, непоследовательность, противоречивость поведения часто дает возможность выдвинуть предварительную гипотезу относительно природы лежащего в ее основе конфликта. Тяжелая депрессия, например, говорит лишь о том, что человек стоит перед тяжелой дилеммой. Но если мать, на первый взгляд преданная своим детям, забывает об их днях рождения, возможно, мы будем склонны думать, что она более преданна своему идеалу быть хорошей матерью, чем самим детям. Мы могли бы также

предположить возможность того, что ее идеал сталкивается с бессознательной садистской тенденцией разрушать их планы и надежды.

Иногда конфликт будет лежать на поверхности, то есть будет сознательно переживаться как таковой. Может показаться, что это противоречит моему утверждению, что невротические конфликты бессознательны. Но в действительности то, что лежит на поверхности, является искажением или видоизменением реального конфликта. Так, человека может раздражать осознаваемый им конфликт, когда, несмотря на свою обычную тактику уклонения, успешно служившую ему в других случаях, он столкнется с необходимостью принять важное решение. Он не может тогда решить, жениться ли ему на той или другой женщине и стоит ли ему вообще жениться, выбрать ему ту или другую работу, сохранить или расторгнуть партнерство. Он будет испытывать страшные мучения, бросаясь из одной крайности в другую, будучи полностью неспособен прийти к какому-либо решению. В своем горе он, возможно, обратится к психоаналитику, ожидая, что тот прояснит для него конкретные вопросы. И он будет неизбежно разочарован, потому что данный конфликт является всего лишь той точкой, в которой динамит внутренних разногласий наконец взорвался. Конкретная проблема, делающая его в настоящее время несчастным, не может быть разрешена без прохождения длинной и мучительной дороги осознания конфликтов, скрывающихся за ней.

В других случаях внутренний конфликт может быть экстернализирован и предстать в сознании человека как его несовместимость с окружением. Или, обнаруживая, что кажушиеся необоснованными страхи и внутренние барьеры препятствуют осуществлению его желаний, человек может осознавать, что эти противотоки, живущие внутри него, проистекают из более глубоких источников. Чем больше мы узнаем человека, тем лучше мы способны увидеть и понять противоречивые элементы, которые объясняют его симптомы, непоследовательность поведения и лежащие на поверхности конфликты — и, необходимо добавить, тем более запутанной становится картина вследствие множества и разнообразия противоречий. Поэтому мы приходим к вопросу: не может ли иметь место базальный конфликт, лежащий в основании всех этих частных конфликтов и ответственный за возникновение их всех? Можно ли описывать структуру конфликта как, скажем, несовместимость в браке, если бесконечное разнообразие всех внешне не связанных между собой ссор и скандалов по поводу друзей, детей, денег, времени принятия пищи и прислуги

указывает на некоторую внутреннюю дисгармонию, лежащую в основе самих этих взаимоотношений?

Представление о существовании базального конфликта внутри человека идет с античных времен и занимает важное место в различных религиях и философиях. Могущество света и тьмы. Бога и дьявола, добра и зла — вот некоторые из способов выражения этого представления. В современной психологии Фрейд в этом отношении, как и в очень многих других, проделал работу первооткрывателя. Его исходное предположение заключалось в том, что базальный конфликт — это конфликт между нашими инстинктивными влечениями с их слепым стремлением к удовлетворению и налагающим запреты окружением — семьей и обществом. Запрещающее окружение в раннем возрасте интериоризируется и с тех пор выступает как запрещающее Сверх-Я.

Вряд ли здесь уместно обсуждать эту концепцию с той серьезностью, которой она заслуживает. Это потребовало бы повторения в сжатом виде всех тех аргументов, которые выдвигались против теории либидо. Поэтому давайте лучше постараемся понять смысл самой этой концепции, даже если мы отвергаем теоретические предпосылки, принятые Фрейдом. Что остается в результате — так это утверждение, что противостояние между примитивными эгоистичными влечениями и нашей запрещающей совестью является основополагающим источником наших разнообразных конфликтов. Как будет видно далее, я также отвожу этому противоречию — или тому, что в большей или меньшей степени сопоставимо с ним в цепи моих рассуждений, — важное место в структуре неврозов. Что я подвергаю сомнению, так это его базальную природу. Я считаю, что хотя это и главный конфликт, он вторичен и возникает по мере развития невроза в силу необходимости.

Причины данного несогласия станут очевидны позднее. Приведу здесь лишь один аргумент: я считаю, что никакой конфликт между желаниями и страхами не мог бы объяснить ни ту степень разделения внутри себя, до которой доходит невротик, ни тот результат, столь пагубный, что он на самом деле может разрушить жизнь человека. Психологическая ситуация, как она была постулирована Фрейдом, означала бы, что невротик сохраняет способность всей душой стремиться к чему-либо, что он просто натолкнулся на препятствие и неуспех в реализации этих стремлений вследствие блокирующего действия страхов. Как мне представляется, источник конфликта коренится в потере невротиком способности искренне, всей душой желать что-либо, потому что сами

его желания между собой расходятся, то есть направлены в противоположные стороны (Alexander F., The Relation of Structural and Instinctual Conflicts. Psychoanalytic Quarterly. Vol. XL № 2. April, 1933). В таком случае это действительно намного более тяжелое состояние, чем представлялось Фрейду.

Несмотря на то что я считаю основополагающий, коренной конфликт более разрушительным, чем полагал Фрейд, я смотрю на возможность его успешного разрешения с большей уверенностью, чем он. Согласно Фрейду, базальный конфликт универсален и в принципе не может быть разрешен: максимум, что можно сделать, — это достичь более приемлемого компромисса или более совершенного контроля. С моей точки зрения, базальный невротический конфликт, во-первых, вовсе не обязательно должен возникать, а если он все же возник, то допускает решение при условии, что страдающий человек готов приложить значительные усилия и перенести связанные с ним тяжелые испытания. Это различие во взглядах зависит не от оптимизма или пессимизма, а неизбежно следует из различий в наших исходных посылках.

Более поздний ответ Фрейда относительно базального конфликта весьма привлекателен с философской точки зрения. И вновь, если оставить в стороне различные скрытые значения его хода мысли, фрейдовская теория влечений к «жизни» и «смерти» сводится к конфликту между конструктивными и деструктивными силами, присущими людям. Самого Фрейда непосредственное применение этой концепции к конфликтам интересовало меньше, чем вопрос о том, как сплавляются эти две силы. Например, он видел возможность объяснять мазохистские и садистские влечения слиянием сексуального и разрушительного инстинктов.

Для применения этой концепции к исследованию конфликтов потребовалось бы введение моральных ценностей. Однако для Фрейда они были чем-то вроде незаконных самозванцев в сфере науки. В соответствии со своими убеждениями, он прилагал усилия к развитию психологии, свободной от моральных ценностей. Я считаю, что именно эта попытка «научности» в том значении, в каком мы говорим о естественнонаучных дисциплинах, является одной из наиболее весомых причин, по которой теоретические представления Фрейда и основанная на них терапия оказались ограниченными слишком узкими рамками. Точнее, такой взгляд, по-видимому, и стал причиной того, что ему не удалось оценить истинную роль конфликтов в неврозе, несмотря на его огромную работу в этой области.

Юнг также придавал большое значение противоположным тенденциям в людях. В самом деле, действие в человеке противоречий произвело на него столь сильное впечатление, что он признал их общим законом: наличие какого-либо одного элемента, по Юнгу, обязательно указывает также на наличие противоположного ему элемента. Внешняя женственность подразумевает внутреннюю мужественность; внешняя экстраверсия — скрываемую интроверсию; видимые проявления господства мышления и разума — внутреннее преобладание чувства и так далее. До этого момента могло казаться, что Юнг считал конфликты важным признаком невроза. Однако далее он говорит, что эти противоположности не противостоят, а дополняют друг друга; цель же состоит в том, чтобы принять обе и тем самым приблизиться к идеалу целостности. Для него невротик является человеком, претерпевшим одностороннее развитие. Юнг сформулировал эти мысли в виде закона, названного им принципом комплементарности. Теперь я также признаю, что противоположные тенденции содержат дополняющие друг друга элементы, и даже без одного из них целостная личность обойтись не может. Но возникают они, по моему мнению, уже как следствие невротических конфликтов, и невротики столь цепко держатся за них именно потому, что они представляют собой попытки решения. Если, например, мы примем склонность к интроспекции, реакциям ухода, к поглощенности своими чувствами, мыслями или фантазиями в ущерб общению с другими людьми в качестве подлинной предрасположенности, то есть конституционально обусловленной и подкрепленной опытом, то тогда рассуждение Юнга будет правильным. Эффективный терапевтический метод будет заключаться в показе человеку его скрытых «экстра-вертированных» наклонностей, к показу опасностей односторонности любого рода, а также в побуждении его к принятию и реализации в жизни обеих наклонностей. Если, однако, мы смотрим на интроверсию (или, как я предпочитаю называть ее, на невротическую отстраненность) как на средство избежать конфликтов, которые возникают при близком контакте с другими людьми, задача будет заключаться не в побуждении к большей экстраверсии, а в анализе лежащих в ее основе конфликтов. К цели достижения искренности и цельности можно приблизиться лишь после разрешения этих конфликтов.

Продолжая теперь развивать собственную позицию, я вижу базальный конфликт невротика в коренных противоречиях в тех отношениях, которые у него сложились с другими людьми. До углубления в детали позвольте мне обратить внимание на художественное воплощение такого противоречия в истории д-ра

Джекиля и м-ра Хайда. Мы видим этого героя, с одной стороны, деликатным, чутким, сочувствующим, помогающим, а с другой стороны, жестоким, бессердечным и эгоистичным. Я, разумеется, не хочу сказать, что невротическое расщепление всегда проходит точно по линии, намеченной в этой истории, а просто хочу указать на яркое проявление несовместимости отношений к другим людям.

Чтобы приблизиться к этой проблеме с точки зрения развития, мы должны вернуться к тому, что я назвала ба-зальной тревожностью (Horney K., *The Neurotic Personality of Our Time*. W.W. Norton, 1937), подразумевая под этим переживаемые ребенком чувства одиночества и беспомощности в потенциально враждебном мире. Это чувство незащищенности может породить у ребенка широкий диапазон неблагоприятных факторов: явное или скрытое доминирование, безразличие, сумасбродное поведение, отсутствие уважения к индивидуальным потребностям ребенка, отсутствие реального руководства, пренебрежительное отношение, чрезмерное восхищение или его полное отсутствие, недостаток доверительности и теплоты, необходимость принимать чью-либо сторону при разногласиях родителей, слишком малая или чрезмерная ответственность, излишняя опека, изоляция от других детей, несправедливость, дискриминация, невыполнение обещаний, враждебная атмосфера и так далее и тому подобное.

Единственный фактор, к которому я хочу привлечь особое внимание в этом контексте, — это ощущение ребенком скрытого лицемерия у своих близких: его чувство, что родительская любовь, их христианское милосердие, честность, щедрость и так далее могут быть всего лишь притворством. Частично то, что ребенок ощущает на этот счет, действительно является лицемерием; но отчасти это может быть просто его реакцией на все те противоречия, которые он ощущает в поведении родителей. Однако, как правило, имеет место сочетание травмирующих факторов. Они могут лежать на поверхности или быть полностью скрытыми, так что в ходе психоанализа можно лишь постепенно выявлять их влияние на развитие ребенка.

Изнуренный этими мучающими его условиями, ребенок ищет способы сохранить свою жизнь, ищет, как справиться с несущим угрозу окружающим миром. Несмотря на свою слабость и страхи, он бессознательно нащупывает свою тактику, чтобы противостоять данным силам, действующим в его окружении. Поступая таким образом, он вырабатывает не только *ad hoc* (применительно к этому, для этого случая (лат.). — ред.) стратегии, но также и устойчивые

наклонности и черты характера, которые становятся частью его личности. Я назвала их «невротическими наклонностями».

Если мы хотим увидеть, как развиваются конфликты, мы не должны чрезмерно сосредоточиваться на индивидуальных наклонностях, а должны, скорее, охватить взглядом всю панораму главных направлений, по которым ребенок может двигаться и на самом деле движется под воздействием этих обстоятельств. Хотя мы на время потеряем из поля зрения подробности, мы получим более ясную картину наиболее важных направлений, которые выбирает ребенок, чтобы справиться со своим окружением. Вначале может предстать довольно хаотичная картина, но из нее с течением времени выкристаллизуются три главные линии: ребенок может двигаться навстречу людям, против людей или от людей.

Когда ребенок движется навстречу людям, он признает собственную беспомощность и, несмотря на свою отчужденность и страхи, пытается завоевать любовь и привязанность других людей и пробует опираться на них. Лишь таким путем он может почувствовать себя с ними в безопасности. Если в семье есть расходящиеся во взглядах стороны, он примкнет к наиболее сильному человеку или группе. Подчиняясь им, он обретает чувства принадлежности и поддержки, которое помогает ему ощущать себя менее слабым и менее изолированным.

Когда он движется против людей, он признает и принимает как должное враждебность окружающих и сознательно или бессознательно решает на борьбу. Он полностью отказывается доверять чувствам и намерениям других людей по отношению к себе. Он бунтует, используя для этого все открытые для него пути. Он хочет быть сильнее их и одержать верх частично ради собственной защиты, частично ради мести.

В случае движения от людей он не хочет ни общности, ни борьбы, а держится в стороне, отстраняется от людей. Он чувствует, что у него с ними мало общего, что они несколько не понимают его. Он строит свой собственный мир с помощью природы, своих кукол, книг, грез.

В каждой из этих установок чрезмерно усилен один из элементов базальной тревожности: беспомощность в первом случае, враждебность во втором и изоляция в третьем. Но дело в том, что ребенок не может свободно выбрать какое-либо из этих направлений, потому что при тех условиях, в которых развились эти установки, обязательно присутствуют все они. То, что мы видим, обозревая панораму в целом, является лишь доминирующим вектором движения.

То, что это действительно так, станет очевидно, если мы, забегаая вперед, обратимся к полностью развившемуся неврозу. Нам всем известны взрослые люди, в поведении которых резко выделяется одна из установок, кратко обрисованных нами выше. Но мы можем также видеть, что и наклонности другого рода у такого человека действовать не перестают. У людей, склонных главным образом опираться на других и подчиняться им, мы можем заметить и склонность к агрессии, и некоторую потребность в отстранении от других. Человек, настроенный преимущественно враждебно, может иметь элемент угодливости, он также нуждается и в том, чтобы уйти, отстраниться от других. А личность отстраненного типа не лишена некоторой враждебности или желания любви и привязанности.

Однако доминирующей является та установка, которая в наибольшей степени определяет реальное поведение. Она представляет собой те пути и способы совладания с другими людьми, которыми данный человек лучше всего владеет. Так, человек, избегающий других, бессознательно использует все способы удерживать от себя людей на безопасном расстоянии, потому что теряется в любой ситуации, требующей тесного взаимодействия с другими людьми. Кроме того, часто, но не всегда, господствует установка, которая наиболее приемлема для сознания такого человека.

Это не означает, что внешне менее выступающие установки менее могущественны. Часто было бы трудно сказать, например, будет ли желание доминировать у явно зависимого от других и уступчивого человека менее интенсивно, чем его потребность в любви и привязанности; его способы выражения своих агрессивных импульсов просто более завуалированы. О том, что сила скрытых наклонностей может быть огромной, свидетельствуют многие случаи, когда бывшее доминирующим отношение меняется на противоположное. Мы можем видеть такого рода превращение у детей, но оно также может происходить и в последующие периоды жизни. Стрикленд из произведения Сомерсета Моэма «Луна и грош» был бы здесь хорошей иллюстрацией. Истории женщин часто обнаруживают такой тип изменения. Влюбившись, девушка, до этого бывшая честолюбивой, непослушной, имевшая мальчишеские замашки, может превратиться в покорную, зависимую женщину без каких-либо признаков честолюбия. Или под давлением тяжелых переживаний человек, склонный держаться от других на расстоянии, может стать болезненно зависимым.

Следует добавить, что изменения, подобные этим, проливают некоторый

свет на часто задаваемый вопрос: неужели опыт, полученный за пределами детства, не имеет никакого значения, неужели мы заключены в строгие рамки, раз и навсегда заданные ситуацией нашего детства? Взгляд на невротическое развитие с точки зрения конфликтов позволяет нам дать более удовлетворительный ответ, чем тот, который обычно предлагается. Возможные варианты таковы: если ситуация раннего детства не слишком препятствует спонтанному развитию ребенка, то последующий опыт, в особенности юношеского возраста, может оказать влияние на процесс формирования. Если, однако, воздействие раннего опыта было достаточно сильным, чтобы сформировать ребенка согласно некоторому ригидному образцу, то никакой новый опыт повлиять не сможет. Отчасти это происходит потому, что ригидность лишает человека открытости к какому-либо новому опыту: например, его отстраненность от других может быть слишком сильной, чтобы допустить его сближение с кем-либо, или его зависимость — столь глубоко укоренившейся, что он всегда будет вынужден играть подчиненную роль и поощрять попытки эксплуатировать себя. Отчасти это происходит потому, что он интерпретирует любой новый опыт на основе прочно усвоенного образца: например, агрессивный тип, встречая дружелюбие, будет рассматривать его либо как проявление глупости, либо как попытку эксплуатации: новый опыт будет иметь тенденцию лишь усиливать старый образец. Когда невротик действительно переходит к иной установке, это может выглядеть так, как если бы последующий опыт привел к изменениям в его личности. Однако изменения такого рода не столь радикальны, как представляется. В действительности происходит следующее: объединившись, внутренние и внешние обстоятельства вынуждают его отказаться от одной доминирующей установки и перейти к противоположной, но это изменение не произошло бы, если бы прежде не было никаких конфликтов.

С точки зрения нормального человека, нет причины, по которой эти три типа установок должны быть взаимоисключающими. Человек должен уметь уступать людям, бороться с ними и держаться обособленно. Все три типа установок могут дополнять друг друга и создавать гармоничное целое. Если доминирует одна из них, это просто указывает на чрезмерное развитие по этой линии.

Но в случае невроза имеется несколько причин, делающих эти установки несовместимыми. Невротик не гибок; им движет побуждение уступить, бороться, быть в стороне от всех, независимо от того, соответствует ли это побуждение

конкретным обстоятельствам, и он впадает в панику, если ведет себя иным образом. Следовательно, когда в сколько-нибудь сильной степени наличествуют все эти три установки, он обречен на тяжелый конфликт.

Еще один фактор, значительно расширяющий сферу данного конфликта, состоит в том, что эти установки не ограничиваются областью человеческих взаимоотношений, а постепенно захватывают всю личность, подобно тому, как злокачественная опухоль пронизывает все ткани органа. В итоге они не только проникают во все отношения человека с другими людьми, но также и в его отношение к себе и к жизни в целом. Если мы не в полной мере осознаем их всеобъемлющий характер, то поддадимся соблазну судить о возникающем в результате конфликте подобно тому, как если бы говорить о любви в противовес ненависти, уступчивости в противовес непокорности, подчинению в противовес доминированию и так далее. Это, однако, было бы такой же ошибкой, как искать различие между фашизмом и демократией, сосредоточивая все внимание на каком-либо одном из противоположных признаков, таком, например, как различие в их отношении к религии или власти. Конечно, эти различия имеют место, но сосредоточение внимания только на них одних оставит в тени то, что демократия и фашизм являются двумя различными типами общества и представляют собой две философии жизни, абсолютно несовместимые друг с другом.

Не случайно конфликт, начало которого лежит в наших отношениях с другими людьми, со временем оказывает влияние на всю личность. Человеческие взаимоотношения имеют здесь столь решающее значение, что они с необходимостью формируют те качества, которые развиваются в нас, те цели, которые мы ставим перед собой, те ценности, которых мы придерживаемся. Все они в свою очередь оказывают влияние на наши отношения с другими людьми и, таким образом, неразрывно переплетаются между собой (В связи с тем, что отношение к другим людям и отношение к себе не могут быть отделены друг от друга, иногда встречающееся в публикациях психиатров утверждение о том, что либо то, либо другое из этих отношений составляет наиболее важный фактор в теории и практике, лишено основания).

Моя точка зрения заключается в том, что конфликт, порождаемый несовместимыми типами установок, составляет ядро невроза и поэтому заслуживает названия базального. И позвольте мне добавить, что я использую слово ядро не только в качестве образа, выражающего важность конфликта, но также чтобы подчеркнуть, что это динамический центр, из которого берут свое

начало невроты. В этом состоит ключевое положение теории невроты, внутреннее содержание которой предстанет в последующем изложении. В широком смысле, эта теория может рассматриваться как развитие моей более ранней концепции, согласно которой невроты являются выражением нарушений в человеческих взаимоотношениях (эта концепция была впервые представлена в «Невротической личности нашего времени» и развита в «Новых путях в психоанализе» и «Самоанализе»).